

Олеся Николаева

«На корабле зимы»

Диптих

1

Иногда — хоть локоть себе кусай или кол теши,
не дается дело твоей души.
Хоть тут землю рой, хоть огниво три,
все слова-то здесь, да мертвы внутри.

Ничего не трогают, не зовут,
а лежат расслабленно там и тут.
Не дрожит струна, не горит Восток.
Никогда не напишешь ты оду «Бог»!

2

Или это не я, а кто-то — наперекор —
входит как главный: «Пишем! Мотор! Мотор!»
Зажигает светильники, развешивая меж туч.
Есть у него басовый, есть и скрипичный ключ.

И заводит и треплет заспавшиеся слова,
мнет их, как глину, лепит: вот уже голова.
Вот уже целый образ вписан в наши края.
Странно, страшно, чудесно: кажется, это я!

Николаева Олеся Александровна — поэт, прозаик, эссеист. Профессор Литературного института им.А.М.Горького. Автор многочисленных книг стихов, прозы и эссе. Лауреат многих литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» (2006). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Переделкине.

* * *

Странные истории происходят с вещами.
 Некоторые приручаются, словно срастаясь с нами.
 А есть и такие — не любят, не чтят, не чтут
 своего хозяина, бунтуют и даже бьют.
 С полки книга летит на голову, со шкафа — баул,
 лопается в руке стакан, ставит подножку стул..
 Но есть и верные слуги: ботинки приводят меня домой,
 и со мною сливается старенький свитер мой.

Оттого для меня драгоценны бусы мамы моей,
 папины шахматы, друга — мозаика из камней.
 Трогаю эти вещицы с нежностью, так дивясь,
 словно между дарителем и подарком осталась связь.
 Словно папа почувствует, как тоскую о нём,
 когда я чёрную королеву — смерть — бью белым конём.

* * *

Грустно, как ни крути,
 когда сидишь взаперти
 И время, кажется, около
 часов двадцати пяти.
 Нынче родился Блок.
 Скоро родится Бог.
 Все эпохи сместились
 времени поперёк.

Все у меня вот тут
 в доме моём живут:
 страсти, козни и казни
 псалмы по ночам поют.
 Всякий дух вековой —
 тёмный, слепой, хромой.
 А всё же псалом проклятья
 не о них сто восьмой.

Ловят все на лету
 вздох этот — в высоту.
 Вырезали по сердцу
 русскую эту черту.
 На подозренье труд
 брать, презирать иуд,
 в небе искать Отечество:
 а на земле — приют.

Дням здесь потерян счёт.
 Время здесь не течёт,
 разве что делят столетья
 только на нечет-чёт.
 Разве что час лихой
 впишут красной строкой.
 левой грозят, но правой
 благословят рукой.

Город

1

Иногда забавно издалика
 понимать, возвращаясь вспять,
 как обида была когда-то мелка,
 а ведь жгла, не давая спать.

Незаметно зажил синяк и порез.
 ...Был один — хорошо знаком —

попросил займы, и тут же исчез
 он, как только стал должником.

Иль подруга, полная куража,
 с ходу, только зайти успев,
 начала бессвязно кричать, дрожа,
 выплескивая свой гнев.

2

Словно пойманный вор теперь у меня
всё дурное — здесь, на цепи.
А былое — как город при свете дня,
строившийся в степи.

Здесь сохранны преданья книг родовых,
не иссякнут хлеб и вино.
Здесь и мёртвые живы — среди живых
не стареют они давно.

И Никола-Угодник, и князь Андрей
Боголюбский — в сердце простом.
И архангелы грозные у дверей
держат жезл и зеркало с крестом.

И страна моя — в горестях и трудах —
лишь одной ногой на земле:
вся — в таких невидимых городах,
с белой птицею на кремле.

«На корабле зимы»

«И выдать потом за своё...»

Анна Ахматова

Это море снегов вокруг, волны, брызги, блёстки окрест
моего затворничества, напоминающего домашний арест...
А я словно на корабле плыву, не зная куда,
не оставляя следа.

В юности я написала книгу «На корабле зимы».
Так и плыву с тех пор мимо сумы, тюрьмы,
мимо людей испуганных, срывающихся на крик,
мимо подростков, коверкающих язык.

Мимо женоподобных мальчиков, бой-баб, героинь...
На горизонте сливаются ян и инь.
И ледяная корка вот-вот сомкнётся кольцом,
а я всё плыву мимо дворника с сарацинским лицом.
мимо хромой старухи, как пред концом:
беседующей с чернецом.

...Мимо собственной жизни, оставшейся на берегу
и отправляющей мне послания — все в мокром снегу.
Буквы их расплываются, рвётся бумага — тонка,
где-то совсем не понятно, что это за строка.
Где-то рифма утеряна, где-то в размере сбой.
Я это подменяю собой.
Словно прорехи заделываю и, впад в забытё,
выдаю потом за своё.

Тысяча девятьсот двадцать первый

Остаётся только вздыхать да зубами клацать.
Ходит слух — уплотнению подлежит Блок.
Гиппиус язвит:
— Хорошо бы ему *двенадцать*
подселили под самый бок.

Гнусно шипит пластинка, скрипит шарманка.
Кто-то вздыхает:
— Повезло Гуро,
успела уйти в тринадцатом, будетлянка!
Нырнула в своё зеро.

Кто-то подхватывает:
— Врубель вообще в десятом —
вовремя перешагнул порог:
летающего демона изобразил крылатым,
не знал, что тот коренаст, приземист и кривоног.
...А я в тот год был беспечным, юным, богатым,
влюбленным, верящим: с нами Бог!

— А Чехов ушёл в четвертом, напустил дыма,
отравленных набрызгал чернил,
чтоб каждый стал думать: в России невыносимо,
такая пошлость! — словно приговорил.
...В тот год я дивился красотам Рима, —
начал кто-то,
но дрогнул и закурил.

Месть

Ох и мстителен человек! Свой пыл
он вложил в мечту об одном:
чтобы труп врага по реке проплыл,
чтоб проплыл под его окном.

Предвкушая, он час роковой зовёт.
Смотрит — чёрной волной гоним,
труп врага по воздушной реке плывёт
да вмерзает в лёд перед ним.

Ледяною глыбой мертвец, чужак,
застывает в его крови.
А теперь хоть кричи, разрывая мрак:
— Оживи его, оживи!

Карантин

«Я на дне...»

Иннокентий Анненский

Я на дне. Я как будто обмылок:
всюду пена, вверху — пузыри.
Кто был молод, и ярост, и пылок,
цепенеет и блекнет внутри.

...Помню небо. Зигзаги полёта.
Тело — легкий в шагу пилигрим.
А глаза — золотые ворота.
А душа — Божий сон, Вечный Рим...

И уже на пороге забвенья
мне бессонница делает знак,
что тоскуют по мне сновиденья,
да в чумной их загнали барак.